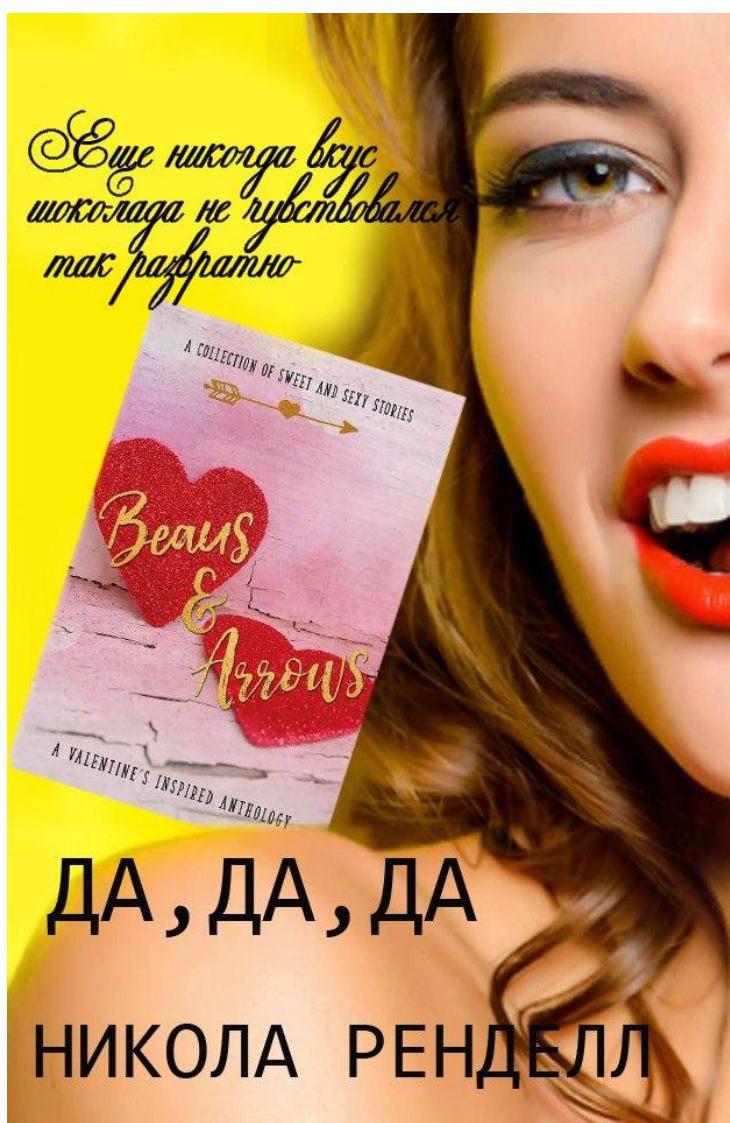

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Никола Ренделл

"Да, да, да"

Серия: вне серии

Автор: Никола Ренделл

Название на русском: Да, да, да

Серия: вне серии

Перевод: betty_page

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Таня Медведева

Оформление:

Eva_Ber

Переведено группой <https://vk.com/lovebookstranslate>

Это девушка великолепна, но, едва взглянув на нее, вы можете не понять, что она — та самая единственная из десяти миллионов других людей. Хотя мне это известно. Без сомнения.

Она сидит напротив меня за дегустационным столом. На вид ей тридцать с небольшим, у нее длинные, шикарные, каштановые волосы, которые завиваются у лопаток. У нее привычка прикусывать нижнюю губу, когда думает. Это чертовски убивает меня. Темно-синие глаза прожигают, особенно когда подведены черной подводкой. Это девушка всегда сексуальна. Но сегодня, она определено выглядит так, словно прознала о моей слабости: твидовая юбка, колготки, коричневые сапоги, доходящие до уровня колена, и темно-зеленая рубашка с крошечными белыми пуговицами.

И третья как раз на уровне моих глаз только что расстегнулась.

Черт возьми. Гребаные пуговицы.

Но я из-за всех сил принуждаю себя сосредоточиться на ее лице. Я не собираюсь ни на что отвлекаться, только не сегодня и только не сейчас. Потому что у нас есть дела по серьезнее, которые требуют нашего участия. Даже более серьезные, чем мое отчаянное желание к этой прекрасной девушке. А это уже о чем-то да говорит. На столе, что так стратегически разделяет нас, расставлен длинный ряд с шоколадными трюфелями. Она уже попробовала второй справа. Самому крайнему справа она поставила семь баллов. А вот тому, что посередине — восемь. Мне никогда еще не удавалось заработать от нее девятку за шоколад, что я произвожу.

Но, да поможет мне Господь, я еще сделаю такой шоколад, который заставит эту женщину поставить мне десять. И мне по хрену, даже если это разорит меня. Я сделаю это. Во что бы то ни стало.

Теперь она берет третий трюфель своими изящными пальчиками и подносит ко рту. Мелкая посыпка какао осыпается с боков сладости и неспешно оседает на безупречный белый стол. Она вгрызается в твердую оболочку своими зубами и откусывает кусочек. Потом прикрывает глаза и пододвигается на стуле, склоняясь вперед.

Ее рубашка расстегивается, обнажая мне те части ее тела, о которых я даже не мог помышлять, только лишь фантазировать, когда находился наедине с собой. Потому что я представлял, как каждый день беру ее любым доступным мне способом, но никогда этого не делал. Даже не имел возможности испробовать ее.

В начале, я не могу отвести взгляд. Я просто не могу оторвать глаз от того, за чем наблюдаю — идеальная грудь, которая выглядывает в вырезе своими соблазнительными холмиками, что представляет собой идеальное декольте. И черт бы меня побрал, там так же видна кромка ее бюстгальтера, нежно сиреневого цвета с кружевными вставками.

Я заставляю себя сморгнуть, медленно, но с достаточной силой, чтобы вновь увидеть образ, что встает перед моими закрытыми глазами. Черт возьми. Когда я открываю глаза, то убеждаюсь, что они прикованы к ее губам, где и должен быть

сосредоточен мой взгляд. И, бл*дь, я просто без ума от ее рта. Глаза девушки прикрыты, и она жует неспешно, полностью отдаваясь процессу. Выражение ее лица представляет собой маску неземного удовольствия, но меня так просто не провести. Пока она не откроет глаза и не проглотит, я не узнаю ее вердикт. Только тогда я смогу убедиться, что у нас получилось, наконец, или же мы вновь вернемся к тому, с чего начали.

Она начинает жевать медленнее и затем издает крохотный приглушенный стон. Иисус.

Снаружи раздаются раскаты грома, но мне, мать вашу, наплевать. Я заморожено слежу за ее вздымающейся и опускающейся грудью и звуком ее сбившегося дыхания. Не буду лгать: я никогда не вношу в расписание встречи с ней. На самом деле я считаю дни между назначенными встречами, чтобы иметь возможность увидеть ее.

Я от нее без ума, хотя даже ни разу не целовал ее.

Я боготворю каждый звук, который она издает, каждое чертовое слово, которое срывается с ее губ. Быстрое, прерывистое дыхание. То, как мягко раздается ее смех через нос. То, как она дышит, когда размышляет: достаточно ли шоколад горек или же наоборот, слишком сладок. То, как она флиртует, даже пусть совершенно не помышляя об этом, между ее дегустацией. И что я знаю наверняка, что когда ей нравится шоколад — на самом деле нравится — ее дыхание становится глубже. Свидетелем этого я сейчас и являюсь. Глубокие, сексуальные вдохи, которые словно награждают меня невесомым шепотом безграничного наслаждения: "Да, да, да".

Девушка закидывает одну ногу на другую, и я слышу тихий звук скольжения колготок между ее ног.

Да, я плачу ей за то, чтобы она была независимым консультантом, но ее рот пленит меня. Ее рот, в конечном итоге, или возвеличит меня, или же будет моей погибелью.

Она не обычная девушка. Примерно один человек на миллион имеет задатки того, чтобы быть профессиональным дегустатором. И у каждого из них есть своя специализация. У одних это вино, у других — сыр, у третьих — кофе. Однажды я встретил человека, который работал на «Крафт» и всецело посвятил себя и свою карьеру поиску идеального синтетического вкуса винограда.

А ее специализация — шоколад. Ее имя Лаура, весь ее нос усыпан веснушками, и я чертовски влюблен в ее рот... Даже не могу вам передать насколько.

На протяжении последних трех поколений моя семья выпускала эти ужасные шоколадные конфеты, которые вы можете купить в каждой сети аптек «CVS», «Rite Aid» и «Osco» в любой части земного шара (*прим. CVS — распространенная в USA сеть магазинов аптечных товаров и товаров повседневного спроса; Rite Aid — американская компания, крупнейшая аптечная сеть и сеть товаров повседневного питания на Восточном побережье США и третья по обороту во всей стране; Osco — крупнейшая аптечная сеть и сеть товаров повседневного питания*). Ну, вы знаете, в такой белой коробке, которая обычно огорчает вас? Шоколад в таких конфетах иногда выглядят

подтаивавшим на пластиковых подносах. Это те конфеты ассорти, которые наполнены слишком большим количеством с клубной начинкой, а тех, что вам нравятся, обычно не хватает. Правильно. Именно этот шоколад. Но он в прошлом. В прошлом дешевый шоколад и недостаточное количество нуги. Он стал пережитком прошлого. Мое имя Томас Раскин, и я собираюсь построить серьезную, мощную шоколадную империю.

Но я не смогу сделать это без ее восхитительного рта.

— Как тебе этот? — спрашиваю я. В данный момент я цепляюсь пальцами за край стола, которые от прикладываемых усилий становятся практически белыми, так, словно я один из участников реалити-шоу «Лучший шеф-повар Америки», который готовится узнать, съедобен ли мой нежнейший пирог или нет (*прим. Лучший шеф-повар Америки — Конкурсная программа на получение звания лучшего кулинара-любителя Америки начинается! Самые выдающиеся повара прибывают в Лос-Анджелес для того, чтобы показать свое мастерство перед судьями, которых возглавляет известный в Америке ресторатор Гордон Рамзи*). Только в этом эпизоде, это трюфель из темного шоколада с пряной ноткой шафрана. Из какао-бобов, выращенных в тени, где-то в отдаленном уголке Мексики, где только миниатюрные козы пощипывают листья, и только нежные пальцы девственных девушек из глубинки прикасались к плодам. Ладно, ладно, не совсем так. Но почти. Потому как я уже говорил: мы должны быть на высоте или хотя бы держать марку. Потому как, если мы не сделаем этого, то проваливаем ко всем чертям.

Лаура продолжает жевать. Не говоря ни слова, просто подняв палец вверх, тем самым говоря мне, чтобы я подождал. Когда она так делает, это заставляет ее рубашку немного сдвинуться, что обеспечивает моему взгляду лучший обзор на ее грудь.

Господи Иисусе.

Дело все в том, что, чем больше я провожу времени с ней, тем больше влюбляюсь в нее. Все в ее облике так и кричит о ее красоте, о ее уверенности — вот то, что я нахожу невероятно захватывающим. Но чем больше я задумываюсь над тем, чтобы сказать ей: "позволь мне пригласить тебя на ужин, позволь мне обращаться с тобой, как ты этого заслуживаешь и как с тобой еще никто не общался", тем больше понимаю, что я вижу ее только тут, в дегустационной комнате. Тут же я впервые встретил ее, много месяцев назад, когда она пришла для того, чтобы попробовать нашу существующую на тот момент линию. Терпеливо, один за одним, укус за укусом, Лаура попробовала весь наш жалкий поднос с шоколадом.

Ее вердикт?

В значительной степени ужасно.

Все дело в том, что я не мог чувствовать вкус шоколада и до сих пор не могу. Я ел орехи кешью с того момента, как мог брать вещи своими руками. Я ел противные вишневые конфеты с ликером с того момента, как начал есть самостоятельно. Поэтому мои вкусовые рецепторы никуда не годны. Я пробую ванильный крем. Нормально. Пробую шоколад с карамелью внутри. Тоже нормально. Темный шоколад. И опять нормально. Это не имеет никого гребаного смысла. Все, что я не попробую, кажется мне

вполне нормальным. Но я-то знаю, что для остального мира, шоколад подобен сексу. Весь шоколад вкусный, но иногда особенные сорта шоколада могут вознести вас на новые высоты. Именно потому я и привлек ее. Новый человек. Тот, кто знает свое дело. Рот, который стоит десять миллионов.

И все люди прислушиваются к ней. У нее есть блог, который посещают практически сто тысяч человек в месяц. Он называется «Звездный шоколад». Ну, естественно, а как еще ему называться? Ходят слухи, что когда она выкладывает запись в блог, то лучше бы вам иметь под рукой знакомого программиста, потому что всего одно ее слово может взорвать интернет. Когда ей нравятся кексы, или шоколад, или какое-то мороженное, это напоминает божественный порошок какао, который словно опускается на ее слова, тем самым давая ей благословение и удачу.

Пока я размышлял, она все еще продолжает пробовать трюфель номер три. Обычно Лаура никогда так долго не пробует, если конечно не собирается сказать что-то приятное.

Мы потратили так много времени и усилий на этот трюфель, который она держит, поэтому можно без преувеличения сказать, что он практически посыпан золотой пылью. Это тот вид шоколада, который мог бы принести нам статус суперзвезд в шоколаде. Такой вид шоколада, ради которого люди выстаивались бы в очереди, готовые ожидать, делать заказы заранее и писать о нем в своих хэштэгах. Это отличная идея. Пока-пока, нижняя полка в аптеке. И привет, специализированный магазин на Пятой Авеню.

Возможно.

Я могу наблюдать за движением языка в ее рту, похожее на то, как делают люди, когда пытаются ощутить вкус вина. Наконец-то она проглатывает, и ее глаза распахиваются. И в это самое мгновение раздается раскат грома. Ее глаза расширяются, а на губах растягивается улыбка.

На мгновение освещение становится ярче, и раздается громкое гудение.

И затем все погружается во тьму.

— Томас? — произносит Лаура напряженно.

Впервые она назвала меня так. Всегда, всегда, всегда она называла меня только «мистер Раскин», не смотря на то, сколько бы раз я не говорил, чтобы она называла меня по имени — Томасом, просто Томасом. За исключением того, что происходит прямо сейчас, когда отключили свет, и все ощущается так, словно вся ситуация переменилась. Она стоит в непосредственной близости от меня, так близко, что я могу чувствовать жар, что исходит от ее тела.

— Лаура.

— Мы что тут застряли, да?

Это чертовски хороший вопрос. Нам каким-то образом удалось пробраться к двери, выставив руки вперед, чтобы избежать вероятности наткнуться на что-то в кромешной

темноте. Ее рукав задевает мой, когда я поднимаю руку, чтобы провести пластиковой картой-ключом по электронному замку.

Никакой реакции.

— Думаю, что так и есть.

Лаура издает крошечный звук, словно ей некомфортно, или она крайне взволнована.

— Не волнуйся, уверен, что нас вытащат отсюда в мгновение ока, — я кручу ручку из стороны в сторону, металлический язычок ручки издает щелкающие звуки у неактивного замка.

Но затем слышен ее вздох, и она озадаченно произносит:

— Нет, нет, просто ты... ты всегда пользуешься этим парфюмом?

Я прекращаю поворачивать ручку и разворачиваюсь к темному пространству, где я знаю, она находится. Я надеюсь, даже почти уверен, что в этот момент Лаура терзает свою губу. Я так отчаянно хочу, чтобы она сделала это ради меня, так, черт побери, отчаянно желаю этого.

— Да.

Она делает глубокий вдох через нос.

— Я не обращала на него внимания раньше. Я всегда так сильно сосредоточена на шоколаде.

Внезапно я четко улавливаю довольно-таки сильный аромат Armani, что исходит от меня, чего еще никогда в жизни не происходило. Он слишком резкий для нее? Я что, пахну как жигало? Так, словно я наткнулся на отдел мужского парфюма в торговом центре? Господи Иисусе. Что, если мое обоняние тоже не к черту? Наверное, так и есть. Если я не в состоянии ощущать вкусы, то, скорее всего, не могу чувствовать и запахи. Я начинаю отступать назад, но как в раз в этот момент она прикасается к моему предплечью. Я замираю. Ее прохладные пальцы сжимают сильнее.

— Он пахнет довольно приятно на тебе, — я могу чувствовать улыбку в ее голосе.
— На самом деле хорошо.

Черт меня побери.

Но когда этот сексуальный момент между нами может на самом деле превратиться во что-то большее, во что-то невероятное, нас внезапно прерывает голос Сэнди, моей секретарши, с другой стороны двери, которая говорит:

— Мистер Раскин! Плохие новости! — она всегда говорит так, словно пальцами зажимает себе нос. Так делают, когда хотят кого-то разыграть по телефону.

Хватка Лауры на моих руках становится немного сильнее, и я чувствую ее потребность выплеснуть все свои чувства.

— Какие именно, Сэнди? — спрашиваю я. Мой голос звучит хрипло, словно я только что проснулся, мои слова источают жесткость и тьму, потому что я больше не могу себя сдерживать. Но Лаура прикасается ко мне первой, словно между нами щелкает невидимый выключатель. Я слегка прижимаюсь к ней, нахожусь так близко, что мои мышцы груди слегка приподнимает ее великолепную грудь. В моем разуме создается образ того, что я так хочу увидеть — ее груди без бюстгалтера, ее лицо, искаженное страстью. Даже не смотря, что нас разделяет тонкий материал брюк, я все еще могу ощущать жар, что исходит от ее тела.

— Кажется, что замки не заработают до того момента, пока вновь не дадут электричество. Это все может затянуться на часы, — кричит Сэди. — Вы там точно в полном порядке?

Черт побери, это предприятие. Все эти проблемы произошли из-за того, что мы хотели сделать безопасную комнату для дегустаций, а теперь выходит, что замки не открываются в чрезвычайной ситуации. Все чертовски непродуманно.

Но с другой стороны...

Лаура стоит, затаив дыхание. Крошечный смехок срывается с ее губ. Она прижимает ладони к моей груди и сжимает крепко материал моей рубашки в своем кулаке.

Господи, да.

— Все нормально? — спрашиваю я, шепча ей на ухо, одновременно с этим вдыхая ее аромат, на самом деле, я делаю большой вдох, наслаждаясь ее запахом в первый раз за все время нашего знакомства. От нее исходит самый приятный в мире аромат миндаля и ванили.

Она не отвечает сразу же на мой вопрос. Вместо этого я ощущаю, как ее грудь вздымается и опадает, и ее тело вновь прижимается к моему.

— Что ты хочешь, красавица, скажи мне? — тихо говорю я.

Ее грудь еще раз вздымается. Затем еще раз опускается.

— Возьми меня, прямо здесь. Прямо сейчас.

Мать вашу, да!

Я беру ее лицо в свои ладони, чувствуя шелковистую и нежную кожу у моих покрытых щетиной щек. Под моими ладонями я ощущаю, как неистово бьется ее сердце.

— Мы в порядке, Сэнди, — говорю я громче и поглощаю Лауру в поцелуе.

Этот рот. Этот чертовски идеальный рот. Чем сильнее я целую ее, тем сильнее она отвечает мне на мой поцелуй. Я проскальзываю глубже языком в ее рот, и она позволяет мне, потому как делает то же самое и со мной. Все еще наслаждаясь чувственным

поцелуем, мы оба начинаем снимать одежду друг с друга — она расстегивает мой ремень, а я ее рубашку.

В то время когда наши руки находятся между нами, стараясь стянуть друг с друга одежду, я отстраняюсь от нее.

— Знаешь, ты пропустила пуговичку на моей рубашке, — говорю я ей, когда расстегиваю их за нее.

Расстегнув мой ремень, Лаура начинает расстегивать молнию на брюках.

— Я чувствовала, что это произойдет. Я видела, как ты смотришь на меня. И я обожала каждую минуту этого.

— Чертовка.

Сейчас я чувствую, насколько болезненно тверда моя длина, все желание, которое скопилось за эти долгие месяцы, устремилось к моему члену. Я поднимаю ее юбку вверх и сжимаю пальцами край ее плотных шерстных колготок, которые спускаю вниз по ее бедрам. Затем я сжимаю ладонями ее бедра, эти чертовски идеальные бедра, и разворачиваю ее, сделав несколько шагов с ней вперед. Ее шажки крошечные и неуверенные, когда мы продвигаемся вперед в темноте, ее бедра сжимаются вместе.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — шепчу я, когда наклоняю ее над дегустационным столом.

— Все, что ты мне можешь дать.

— Будь осмотрительна с тем, чего ты желаешь.

— Я не желаю быть осмотрительной.

Чееерт.

Я резко вхожу в нее во всю длину, потому что она уже чертовки влажная, но Лаура такая узкая, создается впечатление, что мой член с силой стискивают в кулаке.

— Господи.

Она издает тихий стон — глубокий, жаждущий звук, который мне еще никогда не удавалось услышать.

Находясь глубоко внутри ее тела, я наклоняюсь и прижимаюсь к ее пояснице своим телом. Едва слышно выдыхая ей на ухо:

— Тише. Поняла? Не издавай ни единого звука.

Я чувствую улыбку на ее губах; затем она кивает у моей челюсти, и ее руки цепляются за мои.

Я выпрямляюсь и сжимаю ладонями ее задницу. Затем немного выхожу из ее лона и с силой толкаюсь в нее вновь.

В ответ на мои действия стол издает скрип, когда он продвигается немного вперед на полу. Говнюк.

Я слышу крохотный смех Лауры, который переходит в тихий стон, когда я ударяю головкой члена ту самую точку внутри нее. Но этого не достаточно, потому как я хочу трахнуть ее таким жестким образом, что, скорее всего, стол будет двигаться по всей комнате. И в этом случае, вся компания услышит нас, вплоть до охранников, которые стоят снаружи здания.

— Опустись вниз, — шепчу я ей, когда стягиваю с себя рубашку и кладу на пол для нее, убеждаясь, что Лаура ложится на нее. Нет никакого гребаного шанса, что эта великолепная женщина будет лежать на голом хреновом линолеуме, когда я буду трахать ее в первый раз. Когда она разводит свои ноги в разные стороны для меня, я слышу треск колготок, которые все еще находятся на уровне ее коленей. Черт побери, да! Мать вашу, я хочу, чтобы она кончила на моем члене. Я хочу трахнуть ее, как можно развратнее.

Но как бы мне чертовски не хотелось вновь войти в ее тело, трахнуть ее со всей отчаянной нуждой, но в тоже время я хочу испробовать, какова ее киска на вкус. Мне необходимо это сделать. Мне необходимо узнать ее всецело. Я становлюсь на колени, располагаясь между ее бедрами. Тянусь рукой и сжимаю одну из ее грудей, ощущая твердую пику соска между большим и указательным пальцем. Лаура задыхается, когда я слегка щипаю ее за сосок, а затем перекаत्याю его между подушечек пальцев. В то время, пока она полностью отвлечена, я прижимаюсь к ее лону своим ртом, чтобы испробовать ее на вкус. Она немного солоноватая, с ноткой сладости. Полностью влажная. Ее аромат возбуждения заставляет меня чувствовать себя опьяненным. Я лижу ее клитор, потом втягиваю его в рот насколько это возможно, одновременно с этим легко щипаю ее за соски. Девушка выгибается в пояснице, ее колени сжимают мою голову с двух сторон. Используя свой язык, я приоткрываю внутренние лепестки ее губ, следом втягивая их в свой рот, чувствуя ее вкус, ощущая ее глубоко внутри меня. Ее плавные изгибы, мягкость, шелковистость ее кожи — полное совершенство.

Если бы я только мог, то остался бы с ней здесь на протяжении всего дня. То, как она отвечает на каждую ласку моего языка, убивает меня. То, каким образом она хватается за волосы, когда я ласкаю сладостное местечко, это моя погибель. Да, черт побери, да! Но нам необходимо успеть все сделать до того момента, пока вновь не включат электричество. Удовольствие наслаждаться ее вкусом и ароматом придется оставить на другой день. Или, возможно, отложить до сегодняшнего вечера.

Я отстраняюсь от нее, и в это момент она начинает трогать своей рукой мой член, раз за разом сбивчиво повторяя.

— Внутрь. Войди в меня, прямо сейчас.

— Это именно то, что я и хочу сделать, — я вновь становлюсь на колени, отвожу ее бедра немного назад, сгибая ее ноги в коленях, слегка прижимая их к ее груди, пока она поглаживает мой член своей рукой, стискивая его в ладони. Когда она выпускает член из своей руки, я издаю разочарованный вздох, но она лишь проводит ладонью по своей влажной киске, тем самым увлажняя ее, и вновь начинает поглаживать мой член.

— У тебя огромный член, Томас. Чертовски огромный.

Господи. Этот рот точно сведет меня с ума.

На ее ногах все еще одеты колготки, но это не имеет никакого значения. Я проскальзываю под них, и мы, словно две половинки одного целого, мгновенно притягиваемся друг к другу, ее ноги идеально располагаются за моей спиной.

— Я собираюсь трахать тебя, пока ты не кончишь, Лаура. Ты меня поняла?

Она вновь издает стон.

— Да, пожалуйста.

Я располагаю член у ее покрытого влагой лона.

— Я буду трахать тебя, пока ты не забудешь свое имя, пока не забудешь, где ты находишься.

Я быстро врываюсь в ее тело, на этот раз более жестко и отчаянно. Ее тело чуть отодвигается назад от силы толчка, и она издает стон на выдохе. Ее руки оборачиваются вокруг моей шеи, притягивая меня поближе к ней, тем самым я накрываю ее губы поцелуем.

На вкус она такая чертовски сладкая. Я упираюсь коленями сильнее в пол, но я ничего не чувствую, кроме ее тепла вокруг моего члена. То, как она толкается и насаживается на мой член. То, как мои яйца издают шлепающий звук у ее влажной плоти.

— Знаешь ли ты, как долго я хотел этого?

Она ласково проводит кончиком языка по раковине моего уха.

— А ты думаешь, я не мечтала об этом?

Желание, что отражается в движениях ее тела, в ее словах, в ее голосе, — это невероятно красиво.

— Я дам тебе то, о чем ты мечтала. И буду давать так часто, как только ты сможешь принять это.

— Черт, — едва слышно шепчет она. — Черт, черт, черт...

— Я хочу тебя в моей постели. Я хочу тебя на своем диване. Я хочу тебя на своем гребаном ковре в спальне. Ты просто должна была услышать это, — я располагаю руку на ее затылке, аккуратно сжимая его, убеждаясь, что ей удобно такое положение. Я ласково провожу большим пальцем по ее щеке. — Я так хотел бы видеть тебя сейчас...

— Я хочу увидеть, когда ты... — ее слова растворяются в наших столах и всхлипах, когда я толкаюсь еще глубже в нее, так глубоко, что она ударяет свободной рукой с силой о пол.

— Когда я, что? — произношу я, подстраиваясь под ритм.

— Когда ты кончишь.

— Твою мать.

Я беру ее ладонь и захватываю губами два ее пальца, втягивая их в свой рот, проходясь по ним своим языком и слегка увлажняя их, и затем говорю ей:

— Поласкай себя, кончи для меня.

— Я слишком шумная, — шепчет она в ответ.

От чего б я сейчас не отказался, так это отвести ее в мой домик на пляже, я хотел бы сделать все, чтобы она кричала так сильно, что ее крики доносились бы даже до береговой охраны, чтобы те, в конце концов, пришли к нам в дом проверить все ли у нас в порядке. Это произойдет. Совсем скоро. Но прямо сейчас, у нас все по-другому, между нами все только начинается.

— В следующий раз ты можешь кричать сколько тебе угодно. Но в этот раз тебе необходимо быть тихой. Сможешь сделать это для меня?

Я чувствую, как она сглатывает. Ее киска сжимается вокруг моего члена.

— Можешь? — вновь повторяю я свой вопрос.

— А ты можешь закрыть мне рот ладонью, когда я буду кончать? — говорит Лаура, когда ее рука проскальзывает между нами. — Просто для того, чтобы быть уверенными, что я не издам ни звука?

Ради. Всего. Святого.

— Черт побери, конечно, могу.

Как только она начинает ласкать себя между ног, ее внутренние мышцы сжимаются вокруг моего члена. И я чувствую себя так, словно все напряжение моего тела начинает пронзать мои яйца.

— Иисусе, — шепчу я в темноту комнаты.

Задняя сторона ее ладони прижимается к низу моего живота, когда я толкаюсь в нее сильнее. Лаура издает тихий всхлип. Я так отчаянно хочу поцеловать ее, но я слишком большой, чтобы наваливаться всем моим весом на нее, и я нахожусь над ней на приличном расстоянии, поэтому она просто прижимает свой лоб к моему плечу и начинает издавать еще больше всхлипов. Ее другая рука опускается к моей заднице и крепко стискивает ее. С ее губ срывается хныкающий звук.

Движение ее пальцев на клиторе становится быстрее, и влажный звук, который исходит от соприкосновения ее пальцев и плоти, становится громче — мать вашу, идеальный звук, он даже заглушает наше хриплое дыхание. Ритм меняется. Ее пальцы опускаются к моему члену и обхватывают его, в то время как она прижимается тыльной

стороной ладони к своему клитору, тем самым стимулируя себя, сжимая и ослабляя свою хватку на члене, подводя меня к краю удовольствия.

— Какого хрена мы не занимались этим раньше, Томас? Ах, да. Потому что ты джентльмен.

— Больше нет, уже нет.

В то время пока она ласкает свой клитор, я сосредотачиваюсь на ее точке G. Это чертова точка определенно существует. Я знаю, потому что когда головка члена с силой ударяет по ней, Лаура жестко прикусывает мое плечо. Я не двигаюсь в течение нескольких мгновений, чтобы увеличить давление на эту восхитительную точку. Как раз то, что ей нужно.

Когда девушка начинает содрогаться всем телом, и я начинаю трахать ее сильнее. Я вижу, что это начинается с мышц ее живота, это походит на легкую, едва заметную дрожь, затем ее бедра начинают слегка содрогаться.

— Сейчас, — говорит она.

Нежно, рукой я закрываю ее рот, прижимаясь ладонью к этим восхитительным губам. Идеальному лицу. Она оставляет крошечный поцелуй на моей ладони, словно тем самым дает мне разрешение, чтобы я мог действовать с ней жестче, чтобы мог обращаться с ней более грубо. Мог держать ее крепче. Трахать глубже. Подчинять ее своей неумолимой власти. Горячее дыхание вырывается из ее ноздрей, обдавая теплом мою кисть руки, согревая кожу между указательным и большим пальцами. Опять и опять я вколачиваюсь в нее, в то время как она подводит себя все больше и больше к апогею удовольствия. Под своими подушечками пальцев я чувствую ее резкие линии скул и усиливаю свою хватку. Следом склоняю ее голову к плечу и прижимаюсь к ней ближе.

— Ты кончишь для меня, прелесть, прямо сейчас? Или ты хочешь, чтобы нас поймали на том, чем мы сейчас занимаемся?

Она издает крохотный всхлип, и я заглушаю ее крики еще сильнее своей рукой. Ее внутренние мышцы лона так сильно стискивают мой член, что у меня такое ощущение, словно она может прямо сейчас вытолкнуть мой член. Но, черт побери, я не дам этому произойти. Я преодолеваю сопротивление мышц опять и опять, вонзаясь в ее тело.

Через несколько мгновений Лауру поглощает дрожь, которая волной прокатывается по ее телу. И она начинает кончать, когда я сбивчиво и хрипло произношу:

— Вот так. Продолжай так. Дай то, что причитается мне. Прямо-мать-твою-сейчас.

И в этот момент она начинает кричать, Лаура отдается полностью наслаждению, продолжая издавать крики в мою ладонь.

— Шшшш, шшш, шш, — шепчу я ей в ухо, так мягко, как только могу.

Она кивает у моей руки и стонет вновь, подавляя свой крик удовольствия. Ее пальцы кружат в последний раз на клиторе, на этот раз более спокойно. Но я, не смотря на это,

продолжаю трахать ее. И это смотрится завораживающе, словно она находится всецело в моей власти, словно я — тот, кто контролирует ее; тот, кто ответственен за то, что она раскололась на миллион осколков в моих руках. Это, бл*дь, просто ошеломительно красиво. В тот момент, когда она продолжает вздрагивать от стихающего оргазма, издавая едва ощутимые всхлипы, только слегка постанывая в мою ладонь, я говорю ей:

— Это, черт возьми, хорошо, что я уже нахожусь на коленях. Я еще никогда не испытал ничего подобного.

Я убираю руку от ее рта, и она утыкается головой в мою грудь.

— Я кричала?

— А ты не помнишь?

Я чувствую, как она отрицательно качает головой.

— Словно провал в памяти. Я как будто унеслась в другую вселенную.

Мне, бл*дь, просто необходима эта женщина. Навсегда.

— Ага, ты пыталась кричать.

— Но ты остановил меня?

— Черт, да, именно это я и сделал.

С ее губ срывается мягкий, хриплый смех, который я просто обожаю, ее бедра слегка вздрагивают у моих. Лаура проводит пальцами по моей шее, затем чуть сильнее впивается в кожу ногтями и проводит ими по спине.

— Теперь твоя очередь.

Я неспешно толкаюсь в нее, ощущая, как влажное желание обильно покрывает ее киску и мой член.

— И не будьте застенчивы в своем освобождении, мистер Раскин, — говорит она, ее дерзкие слова прорезают тьму, которая поглотила нас. — Я смогу справиться с этим.

Черт побери. Я трахаю ее так сильно, что мои яйца практически болят, а бедра горят. Мой член пульсирует, и все, о чем я могу думать, так это только: "Как кто-то может быть настолько идеальным?"

Прежде, чем начинает нарастать оргазм, я сжимаю свою руку вокруг ее шеи, потому как она не может видеть меня, но должна чувствовать, что я абсолютно, мать ее, серьезен.

— Если ты мне позволишь сделать это хоть раз, я уже никогда не смогу остановиться. Никогда. Если ты мне позволишь кончить внутри себя, я, бл*дь, просто буду уничтожен для других девушек.

Толчок. Дрожь. Резкий толчок еще глубже. И ожидание.

Потому как она все еще не ответила.

Бл*дь.

— Только скажи мне, и я выйду...

— Не смей, Томас. Слышишь меня, не смей.

Ну что ж... так тому и быть. Толкаясь еще в ее податливое тело, я кончаю в нее, наполняя ее всеми прошедшими месяцами нужды и фантазий о ее теле.

Мой оргазм накрывает меня тремя мощными волнами, когда я впечатываюсь в нее, она прижимается своими губами к моему уху и издает тот самый великолепный звук, как когда я задеваю головкой члена ту самую точку удовольствия внутри нее.

Черт побери.

Я понимаю, что жил ради этого сладкого звука. Каждый цент, который был потрачен на научные изобретения идеального по своему составу шоколада, был ради одного этого звука.

Ради этого.

Ради этого стога блаженства, ради ее тихого: «Да, да, да...»

Свет вновь загорается, и бросаю свой первый взгляд на ее обнаженную фигуру. Лаура начинает возиться со своей одеждой, я же замираю на месте, не в силах сделать какое-либо движение. Она совершенство. Пошли нахрен фантазии. Это женщина и есть ожившая фантазия.

— Теперь не займет много времени, чтобы, наконец, замки разблокировали, — громко говорит Сэнди с противоположной стороны двери. Лаура торопливыми движениями натягивает свои трусики и колготки — мучительный стриптиз только в обратной последовательности. Она опускает свою твидовую юбку, разглаживает подкладку с обратной стороны.

Мне удастся каким-то образом отвести свой взгляд от нее. Я хватаю свою рубашку и начинаю застегивать штаны. В это время Лаура не сводит своего взгляда с моих глаз, и я замечаю, что размазал ее косметику на лице.

Ничего больше не будет по-прежнему, начиная с этого момента. Меня только что разрушили. Она сокрушила меня для остальных девушек, Лаура — единственная, и я это понимаю.

— Ну и как вам, кстати? — выкрикивает Сэнди.

Чееерт. Она что, слышала, чем мы тут занимались? Мы, черт побери, крупно облажались.

— Что именно? — я задаю ей встречный вопрос, настолько спокойно, как только могу. Лаура делает шаг вперед и начинает быстро застегивать мои пуговицы на рубашке, в то время пока я застегиваю ее рубашку.

— В смысле, трюфель под номером три! — кричит Сэнди.

Господи Иисусе. Черт бы побрал этот шоколад. Я совершенно забыл про него.

Глаза Лауры поднимаются от моей груди, и мы пристально впираемся взглядами.

И на ее губах играет та самая улыбка. Вот она, истинная красота. Та, которую я теперь знаю намного лучше. Та, в которой я теперь нуждаюсь больше, чем в чем-либо.

Я смотрю на ее слабое раздражение вокруг рта, оставшееся от моей щетины. Я крепко удерживаю ее подбородок пальцами и затем провожу ими по всей длине ее горла. Неумолимо и решительно. Приподнимаю вопросительно одну бровь с беззвучным вопросом во взгляде: "Ну и?"

Сэнди кричит еще раз:

— Твердая десятка?

Лаура медленно и чувственно прикрывает глаза и, наконец, произносит:

— Да, да, да...!

Конец